

103
12

2.743

НА ПОСТУ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Б. ВОЛИНА
ГЛЕБЕВИЧА
С. РОДОВА

№ 1 (5)

М А Й

МОСКВА
1924

Второй год издания
ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НА ПОСТУ

под редакцией

Б. ВОЛИНА, Г. ЛЕЛЕВИЧА, С. РОДОВА.

На посту издается при ближайшем участии: Леопольда Авербаха, Демьяна Бедного, А. Безыменского, Ф. Березовского, Ил Вардина, Бор. Волина, С. Ингулова, Исаха, А. Зонина, В. Киршона, С. Левмана, Г. Лелевича, П. Лепешинского, Юр. Лебединского, С. Малахова, Л. Межеричера, М. Морозова, М. С. Ольминского, В. Плетнева, Ф. Раскольникова, С. Родова, А. Соколова, Л. Сосновского, Б. Таля, А. Тарасова-Родионова, В. Фриче.

НА ПОСТУ ставит себе целью революционно-марксистскую критику современной русской и иностранной литературы, освещение вопросов теории и практики пролетарской литературы, борьбу со всякими уклонами и извращениями и, в первую очередь, беспощадную борьбу с теми литературными направлениями и группировками, которые открыто или под маской внешней революционности проводят контр-революционные и реакционные идеи.

НА ПОСТУ будет выходить регулярно каждый месяц размером в 12 — 14 печатных листов, по следующей программе: 1. Статьи. 2. Литературные портреты. 3. Литературная критика. 4. Рецензии. 5. Литературные документы. 6. Хроника. 7. Пародии и шаржи — и проч.

НА ПОСТУ обратит особое внимание на освещение литературной и художественной жизни СССР и других стран, в частности путем статей и писем из провинции и заграницы.

НА ПОСТУ предполагает привлечь к сотрудничеству, кроме целого ряда пролетарских писателей и марксистских критиков и теоретиков, уже принимающих участие в журнале, также представителей коммунистической и пролетарской литературы Западной Европы и Америки.

В 1924 г. выйдет 6 № №

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ — С ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:

На 1 год 6 руб.
На 1½ года 3 руб. 50 коп.

Фабрично-заводские, партийные и красноармейские организации, рабфаки и ВУЗ'ы при коллективной подписке не менее чем на 10 экз. пользуются скидкой в 20%.

Адрес редакции: Москва, Б. Дмитровка, 15/Б, тел. 2-11-96.

Прием ежедневно от 5 до 7 веч.

Подписка в конторе: Москва, Б. Дмитровка, 26 (тел. 4-71-88 и 2-12-00) и во всех райэкспедициях при райкомах РКП.

НА ПОСТУ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Б. ВОЛИНА
Г. ЛЕЛЕВИЧА
С. РОДОВА

М А Й

Москва, Б. Дмитровка, 156

1924

Тел. 2-11-96 и 1-93-00, д. 65

СТАТЬИ:

Перед XIII съездом РКП.

- ✓ Ил. Вардин — Воронщину необходимо ликвидировать
Юр. Либединский — К вопросу о личности художника.
Г. Лелевич — 1923 год
Бор. Волин — Великий Искус
А. Безыменский — О творческих путях
Лидия Тоом — Наши праздники и старое искусство

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ:

- П. С. Коган — А. Серафимович
С. Ингулов — Я хочу жить! (А. С. Неверов)
Г. Лелевич — Александр Безыменский

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА:

- Роза Люксембург — Лев Толстой
Семен Родов — Молодая гвардия
В. Перцов — Вымышленная фигура
Н. Изгоев — О музыке и коммерции
А. Безыменский — Зарубки по пути
Леопольд Авербах — Невольная рецензия

РЕЦЕНЗИИ:

- О книгах: — А. Коллонтай — „Любовь пчел трудовых“, Василий
Князев — „Ржаные Апостолы“, Александр Жаров —
„Ледоход“, Сергей Малахов — „Стихи“, Валериан
Полищук — „Ленин“ и др.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДОКУМЕНТЫ:

- I. Материалы пленума правления ВАПП — II. К созданию еди-
ного фронта пролетарской литературы — III. Соглашение МАПП
и ЛЕФ — IV. Резолюции о литературной линии

ХРОНИКА:

- I. Пленум Правления ВАПП — II. 2-ая московская конференция
пролет-писателей

ПАРОДИИ:

- Сергей Малахов — Брюсов, Каменский, Казин

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

XXIV-807

Семен Родов

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Отделы художественной литературы и критики за 1922—1923 гг.

Большую роль в художественной литературе всегда играли так называемые „толстые“ журналы. В период до Октябрьской революции они имели руководящее влияние в среде читателей, которые прислушивались к своему органу и, большей частью, умели находить в нем то, что искали. Задача эта облегчалась тем, что „толстые“ журналы были многочисленны и выдержанны в определенном направлении. Редакции этих журналов ясно видели своего читателя, знали к какому классу и к какой среде он принадлежал.

С другой стороны, и читатель знал, какого направления придерживается тот или другой журнал, как в области общей политики, так и в художественной литературе. Трудно было спутать „Русскую Мысль“ с „Вестником Европы“, „Русское Богатство“ с „Современным миром“ или „Летописью“ Горького и т. п.

По обложке журнала на столе у подписчика можно было почти безошибочно определить политические и эстетические симпатии этого подписчика. Эс-эр и народник выписывал „Русское Богатство“, меньшевик и поклонник натурализма в литературе — „Современный Мир“, эстет — „Апполон“, а кадет и символист — „Русскую Мысль“.

Пролетарская Революция, наряду с другим, смела и старые „толстые“ журналы. В период гражданской войны исчез самый тип та-

кого органа. Старый писатель или бежал за границу, или онемел в интеллигентском ужасе перед величественными событиями Октября. Старый читатель весь ушел в заботы о пайке, о службе, в борьбу за бытовой мелочный комфорт. Новому классу было не до „толстых“ журналов, — он боролся.

С объявлением новой экономической политики, „толстые“ журналы, как будто начинают воскресать. Один за другим появляются журналы и сборники (скрытый тип журналов) разных толков и направлений, и к осени 1922 г. мы имеем их около дюжины. Но они умирают, не успевши расцвести. Редко какая редакция выпускает 2-й № своего журнала; большей частью дело ограничивается первой неудачной попыткой. И к 1923 г. остаются только два „толстых“ журнала, успевших занять прочное место в современной литературе и продолжающих выходить и по сей час. Это — „Красная Новь“ и „Молодая Гвардия“.

Только эти два журнала сумели выжить в особенно тяжелые для издательского дела годы, обзавестись постоянным кадром подписчиков и стать безубыточными. Факт тем более отрадней, что „Красная Новь“ — орган Главполитпросвета и „Молодая Гвардия“ — орган ЦК РКП и ЦК РКСМ. Нет сомнения, что именно эти два органа играли в 1922—1923 годах руководящую роль в художественной литературе. Тем более пристального внимания они заслуживают.

„Красной Нови“ мы неоднократно и подробно касались, как в

отдельных статьях¹⁾, так и мимоходом. Мы выяснили несоответствие между литературно-художественным и критическим отделами этого журнала, с одной стороны, и научно-публицистическими, с другой; мы указывали на невыдержанность первых и перегруженность их лже-попутчиками и буржуазными писателями.

Это несомненно ослабляло и ослабляет силу влияния „Красной Нови“ и весьма вредно отражалось как на самом журнале, так и на отношении к нему читателей. Выдержанно-коммунистической линии „Красной Нови“ во всяком случае трудно назвать. В своей художественной и критической части этот журнал скорее всего являлся органом „попутчиков“.

Совсем другое представляет за это же время „Молодая Гвардия“. Большая заслуга редакции заключается в том, что она с самого начала сумела взять правильный курс и твердо руководить своей многотысячной аудиторией, преимущественно молодежи.

Действительно, в то время, как в „Красной Нови“ преобладают Ал. Толстые, Пильняки, Ходасевичи, Никитины и прочие серапионы и скорпионы, — „Молодая Гвардия“ целиком базируется на пролетарских писателях, а в последнее время, и на части наиболее революционных представителей Лефа. Список авторов, помещенных в 17 №№ „Молодой Гвардии“ за 1922—1923 г., настолько красноречив и говорит сам за себя, что его стоит привести.

Проза: П. Низовой, А. Новиков-Прибой, Жуков, Н. Соколов, А. Дорогойченко, М. Волков, С. Семенов, А. Тарасов-Родионов, А. Зуев,

Артем Веселый, Юрий Либединский, М. Щелканова, А. Кастерин, А. Неверов, Н. Ляшко, М. Колосов, Г. Шубин, В. Герасимова, Л. Сейфуллина, Б. Рингов, Ив. Рахилло, Ф. Гладков, А. Фадеев.

Стихи: А. Безыменский, С. Малашкин, С. Родов, С. Обрадович, М. Герасимов, А. Жаров, В. Александровский, Вл. Кириллов, П. Орешин, П. Щелканов, А. Дорогойченко, А. Макаров, Ив. Доронин, А. Крайский, М. Голодный, Н. Асеев, Г. Лелевич, Вл. Маяковский, С. Третьяков, Н. Полетаев, С. Малахов, Дм. Земляк, В. Казин, М. Светлов, Ив. Валяло, А. Ясный, Роман, М. Пасынок, Н. Кузнецов.

Критика: Г. Лелевич, Евг. Дидрикуль, Ив. Пчелинцев, Г. Коренев, С. Родов, С. Малашкин, Перекати-Поле и др.

Среди сплошного ряда пролетарских писателей — три лефа и два попутчика. Из пролетарских писателей больше всего представлены группы: „Октябрь“, „Молодая Гвардия“, затем „Кузница“ и „Рабочая Весна“. Показательно для „Молодой Гвардии“ преобладание в ней, как раз передового отряда пролетарской литературы.

Мы видим, таким образом, что в одном из наших основных руководящих журналов пролетарская литература занимает центральное место. Это не только не мешало, а, наоборот, увеличивало интерес читателя к „Молодой Гвардии“ и степень ее влияния. Твердость и ясность позиции, выдержанность литературной линии, вообще, способствует популярности журнала и сплачивает вокруг него своего читателя. В отношении к „Молодой Гвардии“ это справедливо вдвойне, так как основным кадром ее подписчиков и читателей является передовая и активная рабочая и коммунистическая молодежь. Мы уже имели неоднократные случаи наблюдать, с какой горячностью

¹⁾ См. А. Зонин — „Надо перепахать“ — „На посту“ № 2—3, С. Родов — Литературно-художественный отдел „Красной Нови“ за 1922 г. — „Спутник коммуниста“ и т. д.

эта молодежь поддерживает пролетарскую литературу и солидаризируется с направлением своего органа.

Ни в коем случае мы не можем уменьшать значения всего вышесказанного для пролетарской литературы, а также для партии, поскольку нам придется намечать основы партийной политики в художественной литературе. Пролетарская литература на практике показала, что, обслуживая ряд других журналов и газет, она имела в то же время достаточно сил целиком заполнить художественный отдел одного из важнейших наших журналов. Уж по одному этому сетования некоторых хлопотливых редакторов на недостаток творческого багажа у пролетарской литературы, на какой-то кризис в современной, в частности в пролетарской литературе несколько... комичны.

По человечеству мы можем понять некоторых из них, как, например, тов. Воронского, который очутился в довольно неудобном положении. Действительно, если даже и нет кризиса, то выдумашешь его, когда с одной стороны всю свою литературную линию строишь на попутчиках или лже-попутчиках, а через некоторое время сознаешь их литературный провал или сегодня объявляешь Тихонова чуть-ли не гением, а спустя несколько месяцев должен назвать его чуть-ли не рифмоплетом (по вежливому: „рифмотворчество“). Но к пролетарской литературе это совсем не относится. Как раз за последний год мы можем наблюдать в ней не кризис, а рост. Кто этого не видит, тот ничего не понимает в развитии современной литературы. Пролетарская литература крепнет не только внутренне, но и завоевывает все новые позиции как в среде революционного писательства, так и среди органов печати. Если для пролетарской литературы

и существуют опасности, то совсем не с той стороны, с какой это хочет видеть тов. Воронский.

„Молодой Гвардии“ принадлежит честь первой и до конца взять курс на пролетарскую литературу, и поэтому она войдет в историю последней, как одна из ее самых блестящих страниц.

Что же дала „Молодая Гвардия“ в своем литературно-художественном отделе за прошедшие годы?

Мы не имеем возможности останавливаться подробно на каждом отдельном произведении. Отметим лишь самое характерное, в том числе и ошибки „Молодой Гвардии“, без которых, понятно, не могло обойтись.

В художественной прозе наиболее крупными и интересными являются „Гуси-Лебеди“ — роман А. Неверова, „Шоколад“ — А. Тарасова-Родионова, „Реки Огненные“ — Артема Веселого, „Завтра“ — Юрия Либединского, „Тринадцать“ — М. Колосова и „Против течения“ — Ал. Фадеева.

Было время — первые месяцы 1923 г., когда вся Москва спорила о „Шоколаде“ Тарасова-Родионова. Вузы, рабфаки, Свердловка, районы, заводы, пролеткульты, — словом, все наиболее отзывчивые и пылкие среди читателей дискутировали о „Шоколаде“. Юнец рабфаковец встречался в споре с седым Смидовичем, рабочий от станка с проф. Рейснером и т. д. Мнения резко разделились, середины не было: или горячие сторонники, или не менее горячие противники. Уже одно это указывает на то, что произведение выделяется из ряда других, сумело затронуть какие-то живые струны в коммунистической среде. Нужно сказать, что, несмотря на некоторые недочеты, скорее формального характера, „Шоколад“ не напрасно привлекал к себе такое внимание. Острая проблема, поставленная в центре этой повести, о взаимо-

отношении между коллективом — классом, партией и личностью сохранила свой интерес и по сей час, а в то время, по выходе в свет „Шоколада“, была особенно актуальна. Читатель с первых страниц подпадал под власть захватывающей темы и уже не оставлял ее до конца, несмотря на чрезвычайно утомительный, бесконечный гекзаметр, которым написана вся повесть.

Следующей по интересу и своеобразности замысла нужно упомянуть повесть Юр. Либединского — „Завтра“. В этой повести Либединский постарался показать нам современную Москву, вернее, угол коммунистической Москвы на „Завтра“ после начала революции в Германии. На фоне нэпа, частично обволакивающего некоторых из коммунистов, расшатывающего бодрость в части рабочего класса, — показать освежающее действие революционной грозы. Задача чрезвычайно трудная.

Либединский берет в своей повести почти с натуры списанную картину жизни одного из домов Советов, с одной стороны, и участников конгресса Коминтерна — с другой. В центре — завод.

В Доме Советов живут разные по своему настроению и устойчивости элементы. Тут и спившийся, начинающий разлагаться Файвишев, влюбленный в бывшую шансонетку-польку Ванду, и честный, но несколько ограниченный Винокуров; и липовый коммунист, тупой и самонадеянный Громов, и целый ряд других, менее резко очерченных типов.

Завод — „Металлургический литер Г“: Семенов, бьющийся за завод, которому грозит закрытие; Лазо, Язвин, Ильичев, — каждый по своему живущий, думающий.

Чекист Сибиркин, члены Коминтерна...

Каждый по своему переживает весть о германской революции, но

в каждом с новой силой просыпается что-то здоровое, бодрое, жадное к творчеству и борьбе. Каждый чувствует: нэп — это временное, революция — вот действительность.

Сколок с романа Артема Веселого — „Реки огненные“ представляет только отрывок большого полотна, которое, к сожалению, оказалось неоконченным. В этом сколке Артем Веселый показал буйное, здоровое, молодое, ищущее мастерство. Работа над языком А. Веселого весьма плодотворна, хотя несколько растрепана и местами впадает в манерность. Если в дальнейшем он сумеет избежать этой манерности, мы сможем приветствовать в нем большого мастера. Если же он пойдет по дорожке Пильняка — мы будем иметь лишь еще одного невзрачного попутчика с махновским уклоном.

Кроме чисто-формальной стороны, „Реки огненные“ интересны и тем, что стараются показать наш красный флот в его современном состоянии. На ряду с типами старых моряков, показанных пока односторонне — в части, разложенной условиями гражданской войны, — в „Реках огненных“ выведены также и комсомольцы — „Новые ветра“ революции.

Большого внимания заслуживает также появившийся в последней за 1923 г. книжке „Молодой Гвардии“ рассказ Ал. Фадеева — „Против течения“. Фадеев описывает сибирскую партизанщину, давшую так много материала для многочисленных рассказов и повестей, но описывает ее с точки зрения коммуниста. В этом большая ценность рассказа. Партизанщина рисуется нам совсем в другом освещении, чем, например, у Вс. Иванова, и показана более верно.

У нас нет возможности останавливаться подробно на отдельных рассказах и типах, приводить ил-

люстрации. В общем же мы можем установить, что проза по большей части ярка и талантлива, рисует нам живых людей нашей современности и показывает их с точки зрения рабочего класса.

Особое место в „Молодой Гвардии“ занимает художественная проза, берущая своей темой непосредственно комсомол. И как раз здесь наиболее слабое место „Молодой Гвардии“, хотя это несколько не зависит от нее. Причины этого мы выясним ниже.

Четыре рассказа показывают нам жизнь комсомола, и из них два вполне приемлемы, вполне наши, и два чужды нам и враждебны.

Замечателен рассказ М. Колосова — „Тринадцать“.

На фабрике отец и два сына. Отец — коммунист, старший сын — Митрий — комсомолец-активист, а у меньшого, Ваньки — беда: ему всего 13. Он тянется к работе, в комсомол, но ему 13, годами не вышел. И Ванька, сгораемый нетерпением поскорее втянуться в работу, в „молодежных мозгах быть“, заключает своеобразный союз с братом Дмитрием: вместе вступить, когда придет срок, одному — в партию, другому — в комсомол. У Ваньки есть теперь силы дожидаться: он не один. Другой, как и он, дожидается очереди.

Но вот, в день 25-летия РКП, ячейка РКСМ передает партии в числе других и Дмитрия — „на подмогу Ленину“. Ванька мучительно переживает это, ему кажется, что Дмитрий нарушил условие, обманул его. Но, может быть, Дмитрий прав; ведь он идет на подмогу Ленину, ведь его призывает партия?

Извивались, отрывались стружки, дерзко цеплялись друг за друга, огненным кольцом обкладывали голову и сводились к тому: „кто важнее“ — Ванька или Ленин?

Что победит в маленьком сердце обиженного обескураженного Вань-

ки — личные интересы или интерес партии? И победили последние.

...Когда подходил к трибуне Митрий, крикнул Ванька, что есть мочи, закрыв глаза от бешеного напряжения: — Митрий, не осрами комсомол, будь честным помощником Ильичу!..

В рассказе Шубина нет глубины темы Колосова. Он дает нам очень живую картинку „Комсомольской весны“, переживаний молодежи весною, когда хочется на простор, подальше от работы и книг. На этом фоне Шубин дает нам несколько типов комсомольцев.

То, что есть у Колосова и Шубина — верность действительности — того совершенно нет в рассказах В. Герасимовой — „Ненастоящие“ и Ив. Рахилло — „Узел“.

Рахилло описывает жизнь рафаковцев, но весь его рассказ построен на вопросе о половых отношениях, и поэтому дает только небольшой уголок этой жизни и то неправильно освещенный.

Той же однобокостью страдает и рассказ В. Герасимовой — „Ненастоящие“, темой которого является быт комсомольской молодежи в одном из губернских центров. По Герасимовой, судя по рассказу, весь комсомол состоит из одних только „ненастоящих“. Других, „настоящих“ или нет, или Герасимова не знает их и не умеет видеть. От этого — искажение перспективы, „ненастоящие“ кажутся вообще несуществующими, вымышленными, ибо не может же жизнь на одних „ненастоящих“ держаться! А она держится, крепко держится и строится.

Не на одних же Евах, которая пишет подруге —

Ниночка, тебе для интереса это пишу. Сегодня буду спать не с тобой, а с Федорченко, на новых простынях. Он за месяц готовился и купил на распродаже. У него нечистый нос. А я выше всего. Выше себя, Созерцаю. В крайнем случае, попрошу его купить красивый цилиндр. Милые усы у него. И он очень любит мою грудь —

или Федорченках, который —

Весь в новом, с витрины. Не хватает блестящих деревянных ножек. Густо вьется барашек на шапке боярской. Солидненькая шуба. Кашне а-ля-футурист. Тросточка с кукишем — ручкой. Прыщики, глазки нежатся...

и не на других, им подобных, держится комсомол? И, ведь, не одной любовью да половым вопросом весь комсомол только и занят!

Сами по себе эти два рассказа, возможно, не заслуживали бы особого внимания, если бы они не являлись признаком — пока еще незначительным — того, как вредно „путническая“ литература влияет на наш неокрепший еще молодняк. Неправильная линия „Красной Нови“ несомненно отразилась на этих рассказах в их усиленном внимании к половому вопросу, в неумении правильно видеть общие перспективы событий и отношения людей. В этом уже проявилась опасность „опильничивания“ части нашей литературной молодежи со стороны кружков и писателей, сосредоточившихся вокруг „Красной Нови“, „Круга“ и других соредатируемых с ними органов, альманахов и издательств.

Редакция „Молодой Гвардии“, повидимому, прекрасно учла эту опасность и нашла нужным дать очень интересную статью тов. Л. Авербаха, который в том же №, где помещены „Ненастоящие“, указывает на недостатки рассказа и разоблачает его односторонность и неправильный идеологический уклон. Редакция правильно поступила, сделав из этого рассказа предметный урок того, как не нужно писать нашей коммунистической и рабочей молодежи.

В стихотворном отделе „Молодой Гвардии“ мы почти не встречаем и таких — случайных идеологически невыдержанных произведений. Высокие по уровню мастерства, всегда волнующие и привлекающие, поднимающие новые темы и вопросы,

целиком вызванные нашей современностью и ушедшие в нее же — стихи этого отдела связаны с конкретной действительностью и показывают нам живых людей революции или их бодрые, к строительству устремленные настроения. Средние стихи, неизбежно встречающиеся в каждом журнале, а также „планетарные“ темы „кузнецов“ в первых книжках „Молодой Гвардии“ немногочисленны и не характерны для этого отдела. В общем и целом можно сказать, что отдел стихов „Молодой Гвардии“ является лучшим из всех имеющихся в современных журналах.

Именно здесь впервые на практике был претворен лозунг передовой части пролетарской литературы: ближе к конкретной действительности, к живым людям, к эпосу.

Целый ряд произведений дал А. Безыменский — первая и вторая части „Городка“, „Весенняя прелюдия“ и др. Одни из лучших своих вещей — „Ледоход“, „Завод“, „16 октября“ дал Ал. Жаров. Г. Лелевич поместил целый ряд коммунэр — „О заведующем клубом“, „О чекисте Семенове“, „О председателе треста“ и др. стихи; Ив. Доронин — части своей поэмы — „Наперекор стихии“; кое-что дали лефы. Из поэтов „Кузницы“ выделяется Н. Полетаев, который дал прекрасный отрывок из „Рассказа о проститутке“.

На всех этих вещах критика уже неоднократно останавливалась в статьях и обзорах, и нам нет необходимости их цитировать.

Из наиболее молодых поэтов наибольшее внимание привлекает Мих. Светлов. Его „Стихи о ребенке“ монолитны и проникнуты истинным революционным настроением. Читая эти стихи, ясно сознаешь, что идет в мир новое и молодое поколение, что старому и прошлому нет возврата. Вот вступление к этим стихам:

...Помню: о чистилище и рае
Говорил мне выцветший Талмуд.
Старый ребе говорил о мире,
Профиль старческий до боли был знаком...

А теперь мой ребе спекулирует
На базаре прелым табаком.
Старый ребе не уйдет из храма...
На тревожном боевом посту
Мне греметь железными стихами
Под конвоем озлобленных туч.
...Знаю я! отец усердно молится,
Замолвив сыновние грехи.
Мне ж сверкающие крики комсо-

мольца

Перелить в свинцовые стихи.

И вот как они кончаются:

И когда наш последний поход
Развернется по ровной дороге, —
Старый ребе умрет
Под упавшей стеной синагоги.

Из молодежи интересен также
Сергей Малахов.

Особого упоминания заслуживает последний за 1923 г. „германский“ № „Молодой Гвардии“. Составленный вообще прекрасно, дающий богатейший материал о современном положении Германии и революционном движении в ней, этот № выделяется и стихотворным отделом, в котором, между прочим, лефы показали, что, отбро-

сив формальные предрассудки, могут становиться на настоящий путь революционной поэзии.

Критический отдел „Молодой Гвардии“, незначительный по размеру, строго выдержан и целиком совпадает с линией пролетарской литературы.

Кончая этот беглый обзор литературно-художественного и критического отдела „Молодой Гвардии“, мы с большим удовлетворением останавливаемся на том, что в этом важнейшем органе печати пролетарская литература занимала центральное место, что в органе молодежи не было места художественным и идеологическим шатаниям, столь характерным для других органов, строящих свою литературную политику на „попутчиках“. Именно поэтому „Молодая Гвардия“ являлась, по существу, единственным руководящим в художественной литературе „толстым“ журналом. Только его редакция умела правильно учесть тенденции развития современной литературы и ставила на единственное молодое, здоровое, растущее, что есть в ней — на пролетарскую литературу.

В. Перцов

ВЫМЫШЛЕННАЯ ФИГУРА

1.

Революция безжалостно передвинула в глубокую тень целый ряд литературных имен, ярко блиставших в предшествующую эпоху. Она утвердила и сделала своими ряд новых, боровшихся за право на свое литературное существование. Такова история футуристов. И, наконец, она вызвала к жизни

группу художников-творцов, глашатаев Октябрьского сдвига.

Революция превозгласила „понятность“ основным условием художественного творчества. В этом сказалась закономерная и исторически оправданная логика времени. Массы, привлеченные к творчеству и отзывающиеся на творчество в нашу эпоху, неслышанно расширились. Живая, быстрая, энергичная реакция масс на творчество стала неотвратимым показателем его